ПУСТАЯ СТУДИЯ

СИНЕЕ ПЕРО

18+

ПОВЕСТЬ

Пустая Студия

Синее перо

«Автор»
2026

Студия П.

Синее перо / П. Студия — «Автор», 2026

В тихом омуте штата Огайо черти играют в боулинг на выбывание.Два уставших славянских киллера — одесский эстет Костя и саратовский циник Лёха — коротают ночь у реки Снейк-Крик, сжигая на костре дешевые сосиски и заключая абсурдный пакт: тот, кто первым отправится на тот свет, обязан прислать оставшемуся весточку — редкое синее перо. Заказ на утро кажется плевым: забрать семьсот тысяч долларов у проворовавшегося клерка в зачуханном мотеле и пустить его в расход.Но в уравнение вмешивается чистый американский хаос. Смертельно напуганный клерк в темноте путает сумку с деньгами со снаряжением своего племянника-боулера и привозит на стрелку четырнадцать фунтов полиуретана с ароматом синтетической черники. На зачистку объекта уже выдвигаются мексиканские киллеры, один из которых случайно залил в глаза клей для зубных протезов. А в соседнем номере чистит дробовик контуженый ветеран Вьетнама, готовый грудью защищать чучело любимой птицы.

© Студия П., 2026
© Автор, 2026

Пустая Студия
Синее перо

Глава первая. Пакт

Река называлась Снейк-Крик, хотя никакой змеи в ней отродясь не водилось. Местные легенды списывали эту идею на индейцев племени шауни, но правда была прозаичнее: в тысяча девятьсот шестьдесят третьем пьяный в лоскуты землемер из окружного департамента чертил карту округа Клермонт, уронил на ватман размокший окурок «Детектив Ворн», смазал русло пальцем и решил, что так звучит куда кинематографичнее.

Вода в Снейк-Крик имела плотный, безнадёжный оттенок остывшего кофе с дешёвым сухим молоком. Течение здесь двигалось настолько неторопливо, будто река не впадала в Огайо, а тяжело раздумывала, стоит ли вообще куда-то тащиться в такую духоту.

Мужикам место подходило идеально по трём базовым причинам. Первая: ровно двадцать две минуты неспешной езды по гравийке от зачуханного мотеля «Санрайз», где неоновая буква «S» в вывеске билась в падучей каждые сорок секунд, а в воздухе пахло хлоркой и нераскрытыми преступлениями. Вторая: здесь не появлялась полиция штата — шериф округа считал эту часть поймы комариным адом и предпочитал выписывать штрафы за превышение скорости на сорок седьмом шоссе. Третья: единственным живым свидетелем их присутствия была жирная, абсолютно отмороженная ондатра.

Два года назад эта скотина умудрилась в два приёма упереть у Лёхи половину кошерного сэндвича с пастрами прямо из раскрытого бумажного кулька, пока тот пятнадцать минут орал в трубку на нервного посредника из Брайтона. С тех пор Лёха относился к грызуну со сложным комплексом чувств, в котором брезгливое уважение переплеталось с желанием пристрелить его из пистолета с глушителем. Он нарёк ондатру Мистером Шустриком. Иногда он с ней здоровался, когда мохнатая морда рассекала мутную гладь залива. Мистер Шустрик взаимностью не страдал. У него был свой бизнес в камышах, и два восточноевропейских бандита с лишним весом и экзистенциальной тоской в этот бизнес никак не вписывались.

Костёр занялся на привычном пятачке — голой глиняной проплешине между замшелым тополем и вековым дубом, ствол которого у самой земли загибался под углом в сорок пять градусов, будто в детстве его со всей дури пнул недовольный жизнью великан.

Костя сидел на облезлом бревне и методично вращал над открытым огнём очищенный ивовый прут с насаженной сосиской марки «Доктор Менгель». Сосиска была мертва. Она не просто обуглилась — она превратилась в безупречно чёрный, лакированный монолит, напоминавший кусок эбонита или совесть чиновника из Департамента земельных ресурсов штата Нью-Джерси.

Рядом с пыльными туфлями Кости на сухой траве лежал чёрный пластиковый кейс марки «Элефант» — продолговатый, матовый, с клапаном выравнивания давления и тремя надёжными кодовыми защёлками. В таких кейсах обычно возят геодезические нивелиры, профессиональные наборы оптики для съёмок порнофильмов или инструменты для быстрого и бесшумного превращения живых налогоплательщиков в страховые выплаты.

Поверх кейса валялась пачка красного «Мальборо» и одноразовый смартфон за тридцать долларов из супермаркета «Волмарт». Телефон регулярно дёргался в траве, жужжа вибромотором, словно пойманный в спичечный коробок майский жук: кто-то из Нью-Йорка отчаянно пытался выяснить, почему телефон абонента включился в соте неподалёку от Цинциннати.

Костя звонки игнорировал. Костя священнодействовал.

Лёха сидел напротив на перевёрнутом пластиковом ведре из-под краски «Майкл Маралес» и смотрел на прутик с выражением лица судебного патологоанатома, которому в третий раз за смену привезли неопознанного утопленника.

— Ты её, блядь, убил, — ровным голосом произнёс Лёха. — Дважды. Первый раз её перемололи на скотобойне в Индианаполисе вместе с соей, бумагой и свиными ушами, а сейчас ты проводишь над ней обряд кремации без согласия родственников.

— Я создаю текстуру, — отозвался Костя, не поднимая глаз от пламени. Глаза у него слезились от едкого ольхового дыма. — Это метод карамелизации внешней белковой оболочки. Французская, сука, школа.

— Кость. Она чёрная. Чернее, чем салон краденого «Мерседеса» у тех цыган с Куинса.

— Мой дед покойный, Наум Маркович, царство ему небесное и шоб он там не сильно переворачивался, всегда говорил: сосиску жарят на слепом жару от углей, а открытый огонь оставь идиотам и поджигателям рейхстага. — Костя филигранно теранул прут о сучок, переворачивая обугленный цилиндр. Цилиндр сухо хрустнул и плюнул в золу искрой. — Дед долбил это отцу, когда батя ещё бегал в коротких штанах по Молдаванке. Батя долбил это мне, когда мы в девяносто третьем жарили краковскую на костре за гаражами на Фонтане. Я выучил эту телегу раньше, чем таблицу умножения. В Одессе дедушкины цитаты котировались выше постановлений горсовета.

— Ты из Одессы, — Лёха щёлкнул ключом алюминиевой банки с дешёвым и редким здесь элем белоуского производства «Вашневский». Пена с шипением брызнула ему на пальцы. — Я с третьей Дачной в Саратове. И вот скажи мне на милость, какого хуя два носителя великой континентальной культуры сидят посреди кукурузных полей ёбаного Огайо у реки имени несуществующей рептилии и палят дешёвые полуфабрикаты на палке, как пара умственно отсталых бойскаутов с тремя судимостями на рыло? Где мы свернули не туда, Костя? В какой именно исторический момент?

— Нас сюда привели три вещи: врождённый артистизм, патологическая лень и катастрофическое отсутствие легальных альтернатив.

— Нас привела сюда жадность и сто двадцать тысяч безналичного расчёта за вычетом комиссии конторы. Не пытайся натянуть на мокруху пиджак экзистенциализма, тебе фасон не идёт.

— Деньги — это всего лишь частный случай отсутствия альтернатив, Лёша. Когда у тебя есть альтернатива, ты сидишь на террасе в Тоскане, пьёшь кьянти урожая девяносто восьмого года и рассуждаешь о том, как красиво стареет Моника Беллуччи. А когда у тебя альтернатив нет — ты дышишь гарью от пластиковой оболочки в округе Клермонт.

Костя решительно поднёс кончик прутика ко рту, впился зубами в обугленную мякоть, судорожно вдохнул, вытаращил глаза и принялся отчаянно махать ладонью перед лицом, издавая звуки работающего вантуза.

— Сука… блядь… а-а-а! Горячо, падла! — Он с трудом проглотил кусок, закашлялся и сплюнул сажу. — Но внутри, заметь, сочная. Дед, конечно, если бы сейчас посмотрел из своего персонального рая для старых евреев-портных, сплюнул бы под ноги и сказал: «Костик, ты был шлимазлом в шестом классе, когда не сдал черчение, и ты остался шлимазлом со стволом за поясом».

— Абсолютно солидарен с твоим дедом, — кивнул Лёха, делая долгий глоток. Горькое, водянистое пойло прокатилось по горлу. — Вековой опыт поколений. Дед строил отца, отец пинал тебя, ты сейчас выносишь мозг мне. Круговорот говна в природе.

— Никому я мозг не выношу. Племяннику вон пытался лекцию прочесть за семейные ценности — он меня заблокировал в Телеграме. Сидит в Бруклине, пишет код на Питоне для какого-то стартапа, который продаёт воздух веганам. Получает в месяц больше, чем мы поднимаем с чистого заказа за вычетом патронов, бензина и отката диспетчеру.

— И при этом мальчик не пачкает руки в оружейной смазке и спит по ночам без снотворного. Кто из вас двоих умственно неполноценный?

Костя задумчиво повертел остаток сосиски, разглядывая серую сердцевину сквозь угольную корку:

— Он код пишет, а случись блэкаут — он даже консервную банку без вайфая не вскроет. Сдохнет в первую неделю от запора и паники. А мы выживем. Мы адаптивные.

Он помолчал пару секунд, глядя, как река лениво катит тёмную маслянистую воду под ветвями ракитника.

— Слушай, Лёх. А вот чисто с практической точки зрения: если человека кремируют… Ну, официально. В печи при температуре в тысячу градусов по Цельсию. Что происходит с золотыми мостами? Ну вот коронки, штифты советские, пломбы с платиной? Они же не горят при такой температуре?

Лёха замер с банкой у рта. Медленно, с едва слышным скрипом шейных позвонков, он повернул голову и уставился на напарника. Во взгляде его читалась глубокая, почти философская усталость человека, вынужденного делить замкнутое пространство с буйнопомешанным.

— Ты сейчас это к чему высрал, Костя? Тебя вид горящей свинины натолкнул на технологические аспекты погребального бизнеса?

— Я о вечном, между прочим. Ночь, луна, река шуршит, кейс с разобранным «Хеклер-Кохом» под боком, заказ в десять утра. Самое время навести порядок в метафизике. Мы же не роботы, мы люди с тонкой душевной организацией. Так что с золотом?

Лёха сплюнул шелуху от костра:

— Плавят его, дебил. В печи кости в пыль перемалывают специальной мельницей — кремулятором называется, а металл оседает на решётке шлакосборника. Потом приходит чувак в термостойких перчатках, дядя Сэм или какой-нибудь местный Джонни с бейджиком «Младший техник морга», собирает слитки в банку из-под растворимого кофе и несёт в ломбард на соседней авеню. А на вырученные баксы покупает жене тостер, а себе — шлюху и порцию рёбрышек барбекю.

— Вот! — Костя победно ткнул в него прутиком. — Вот она, чистая концепция бессмертия! Без попов, без ангелов с трубами и без ебучих арф на облаках. Твой зубной мост на восемь единиц превращается в подержанный спиннинг для какого-то реднека из Индианы. Ты растворился, а твоя частица пошла в оборот. Это красиво.

— Глубоко, сука. Хоть сейчас на памятник гравируй. «Здесь лежит Костя Одессит. Частично ушёл на покупку китайского тостера».

Костёр гулко лопнул — сухой карман древесины разорвало паром, в небо взметнулся сноп оранжевых искр. Из камышей послышался короткий тяжёлый всплеск. Мистер Шустрик вышел на ночную охоту, или просто какая-то донная дрянь сожрала другую донную дрянь в полнейшей тишине.

Костя скорбно вздохнул, стянул сосиску зубами прямо с деревяшки и принялся меланхолично жевать, хрустя нагаром:

— Горчит. Но с пивом потянет. В мотеле еда была хуже.

— В мотеле вообще не было еды, — парировал Лёха, кидая в угли сухую сосновую шишку. — В фойе стоял вендинговый аппарат образца восемьдесят девятого года, в котором застрял пакет просроченных крендельков с солью и банка арахиса, помнящая штурм Сайгона.

— Вот видишь. А это — горячее питание на свежем воздухе.

Шишка занялась мгновенно: тонкие чешуйки вспыхнули прозрачным синеватым пламенем, свернулись и на глазах начали тлеть рубиновым жаром.

— Гляди, — Лёха кивнул подбородком на огонь. — Секунда — и нет шишки. Пепел, дым, углекислый газ. Ни следа. Вот ты сейчас сдохнешь на этой поляне — и что от тебя останется для мировой цивилизации?

— Пятно от томатного кетчупа на любимой рубашке-поло и неоплаченный штраф за парковку на Брайтон-Бич.

— Мелко плаваешь.

— А куда глубже? Я три года назад чуть не захлебнулся на пляже в Рокавей. Судорога свела бедро, потащило отбойным течением под пирс. Секунд сорок болтался под водой, пузыри пускал, захлёбывался солёной жижей с бензиновой плёнкой от катеров. И знаешь, какая мысль долбила в висок?

— «Прости меня, мама, я был плохим мальчиком»?

— Хуй там. Мысль была одна: я оставил на шезлонге запотевшую банку бельгийского эля за восемь баксов, и пока спасатели будут вытаскивать мой синий труп, она нагреется до температуры ослиной мочи. Вот это была трагедия. Реальная, осязаемая боль от бессмысленности бытия. А смерть — это так, техническая неполадка организма.

— Ты законченный психопат, Костян. Клинический случай.

— Зато без иллюзий. Потом патрульные вытащили, откачали, рёбра намяли. Я сел, выпил это тёплое говно через силу и подумал: если там, за чертой, реально пустота и серый экран без звука, на кой хер люди всю дорогу строят из себя великомучеников? Ради чего вся эта суета с ипотеками, страховками и правильным питанием?

Лёха допил остатки эля, двумя пальцами сплющил жестяную банку в идеальную плоскую шайбу и аккуратно положил её возле ноги:

— Ради порядка в голове. Вот у меня дед по материнской линии, ветеран труда, на заводе «Химволокно» сорок лет отпахал. Умер в девяносто шестом. Лежит на Елшанском кладбище в Саратове. Я к нему раз в два года летаю. Через Стамбул, через Москву, на перекладных собаках, с чужим паспортом в кармане и паранойей в зубах. Прихожу, кладу на оградку две сигареты «Прима» без фильтра, как он любил, и рассказываю, как дела. Рассказываю, сколько заработал, какую тачку разбил, каких девок трахал. И знаешь что? Мне кажется, старик слушает. Сидит там под своими берёзами и лыбится в усы.

— Это не старик слушает. Это у тебя похмельный синдром и дефицит серотонина.

— Да плевать мне, что это. Мне после этого дышать легче. Пока я помню, как он пахнет махоркой и солидолом — он не сдох окончательно. Это и есть память.

Огонь стал проседать, языки пламени сменились глубоким, пульсирующим малиновым жаром углей. Ночная прохлада тут же придвинулась ближе, поползла от сырой травы к щиколоткам.

Костя перестал вертеть прутик. Взгляд его расфокусировался, скользнул по тёмной глади реки, вернулся к Лёхе, зацепился за ворот его куртки. На небритом лице напарника проступило то самое выражение, которое Лёха ненавидел больше всего: смесь детской навязчивой идеи и профессионального упорства идиота.

— Слушай, — тихо сказал Костя. — Давай заключим джентльменское соглашение.

— Пошёл нахуй сразу.

— Да подожди ты со своим саратовским скепсисом. Дело серьёзное. Мы с тобой в этом бизнесе сколько? Семь лет? Восемь? Каждый второй наш знакомый либо сидит в федеральной тюрьме «Метрополитен», либо залит в бетон под фундаментом автомойки в Ньюарке. Рано или поздно кто-то из нас двоих ляжет первым. Это чистая статистика, закон больших чисел.

— Спасибо, утешил. Дальше что?

— Тот, кто уходит первым, должен подать знак оставшемуся. Конкретный, осязаемый сигнал из загробного мира. Доказательство того, что там что-то работает.

Лёха с шумом выдохнул через нос:

— Какой, в пизду, знак? Полтергейст устроить? Кружки на кухне бить?

— Нет, без этой дешёвой голливудской хуйни. Знак должен быть эстетичным и редким. Например… синее перо. Голубой сойки или зимородка.

— Почему, блядь, перо?!

— Потому что это стильно! — Костя повысил голос и даже подался вперёд. — Дохлая крыса на капоте — это от мафии. Чёрная метка — от пиратов. А синее перо — это привет от интеллигентного человека. Находишь синее перо в неожиданном месте: на приборной панели, в кармане плаща, на подушке в мотеле — и понимаешь: Костян добрался до места, освоился, шлёт салют.

— А если я найду перо в лесу, где эти ебучие птицы срут на каждом суку?

— Ты отличишь. Ты жопой почувствуешь разницу между обычной птичьей линькой и метафизической весточкой от старого кореша.

— А если первым копыта откину я?

— Значит, перо присылаешь ты.

Лёха потер переносицу. Голова начинала гудеть от дешёвого алкоголя и бредовости происходящего, но в этой абсурдной логике была странная, почти уютная привлекательность. В их собачьей жизни вообще редко встречалось хоть что-то постоянное.

— Ладно, допустим, — процедил Лёха. — Только давай без двусмысленностей. Если ты с того света подбросишь мне перо, на нём должна быть метка. Чёткая подпись водостойким маркером: «Костя». Иначе я спишу всё на зоологию и пойду дальше.

— Ты сейчас серьёзно требуешь от призрака канцтовары?

— Я требую верификации источника данных. Ты киллер или где? В контракте должна быть спецификация. Синее перо с надписью «Костя».

— Хуй с тобой. Если в аду найду «Шарпи» — распишусь.

— Почему сразу в аду?

— Лёша, посмотри на кейс. Ты всерьёз рассчитываешь, что святой Пётр встретит нас с оркестром и выделит двухкомнатные апартаменты с видом на райские кущи? Наш потолок — третий круг, где черти заставляют вечно пересчитывать фальшивые стодолларовые купюры в абсолютной темноте.

Костя поднял с земли вторую банку пива, зубами рванул чеку и плеснул треть содержимого прямо в тлеющие угли. Угли зашипели, плюнули густым паром, запахло мокрой золой и жжёным солодом.

— За пакт, — сказал Костя.

— За пакт и за синие перья, чтоб они тебе поперёк горла встали.

Они чокнулись банками. Звук получился глухим, жестяным, пустым.

В лесу за рекой что-то монотонно ухало — то ли болотная выпь, то ли ночная сова, недовольная запахом гари. Где-то совсем далеко, за полосой отчуждения, по шоссе прогрохотал дальнобойный тягач, на пару секунд разрезав темноту басовитым гулом дизеля.

Костя достал из кармана вторую сосиску — последнюю из пачки — и с маниакальным упорством насадил её на прут.

— Опять? — устало спросил Лёха.

— В этот раз я учёл аэродинамику и угол наклона пламени. Дед говорил: отрицательный опыт — тоже еврейское счастье.

Через сорок секунд обугленная деревяшка надломилась, и сосиска с сухим хлопком рухнула прямо в центр раскалённых углей. Густой белый дым ударил Косте в лицо.

Оба молча смотрели, как искусственная оболочка трескается, обнажая розовое мясо, и мгновенно чернеет под слоем золы.

— Дед бы достал, — тихо сказал Лёха. — Обдул бы, обтёр об штанину и сожрал. Потому что блокадная память, голод и дисциплина.

— А я не достану, — так же тихо ответил Костя, глядя на погребальный костёр полуфабриката. — Потому что завтра мы заберём аванс и купим в стейкхаусе в Цинциннати два рибая на кости прожарки медиум-раре. Мы другое поколение, Лёха. Мы ничего не храним и нихуя не ценим.

— Вот это и пугает, — сказал Лёха.

Тишина навалилась плотная, влажная, осязаемая.

Костя рывком поднялся на ноги. Суставы хрустнули, как сухие ветки под ботинком. Он подошёл к пластиковому кейсу, опустился на одно колено и отщёлкнул три тугих замка. Звук выстрелил в тишину поляны тремя короткими щелчками: клац-клац-клац.

Крышка поднялась на пневматических упорах.

Внутри, в вырезанных лазером ячейках из плотного серого поролона, тускло блестели детали австрийского «Глока-17» пятого поколения: матовый затвор, удлинённый ствол с резьбой под глушитель, сам матовый цилиндр тактического супрессора «Оспрей», две запасные обоймы на семнадцать патронов девять-на-девятнадцать «Люгер» с экспансивными пулями «Гидра-Шок» и плотный бумажный конверт.

В конверте лежали две цветные фотографии четыре на шесть дюймов. На снимках был запечатлён плешивый очкарик лет пятидесяти в бежевом пиджаке — мистер Уолтер Пирс, старший агент филиала компании «Огайо Мьючуал Лайф». Уолтер Пирс совершил классическую ошибку людей с маленькой фантазией: он решил, что два миллиона долларов клиентских выплат можно одолжить у конторы на пару месяцев, крутануть через букмекерскую сеть в Кентукки и вернуть до годового аудита. Букмекерские лошади пришли последними, люди из конторы шутить не любили, а Косте с Лёхой платили ровно за то, чтобы в завтрашней утренней газете «Цинциннати Инквайрер» появилась короткая заметка о внезапной остановке сердца у добропорядочного гражданина в придорожном мотеле.

Рядом со снимками лежал узкий блокнот в засаленной обложке из кожзама. Костя открыл его на середине. На плотной желтоватой бумаге ровными рядами, по пять штук с косой перечёркивающей чертой, были нарисованы палочки. Будто школьник считал дни до каникул или заключённый — годы до УДО.

Тридцать две палочки.

— Завтра будет тридцать три, — вполголоса бросил Костя, захлопывая крышку. — Крусификшн намбер. Возраст Христа.

— Закрой ящик, не каркай, — поморщился Лёха. — Счётчик он ведёт, статистик хренов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.